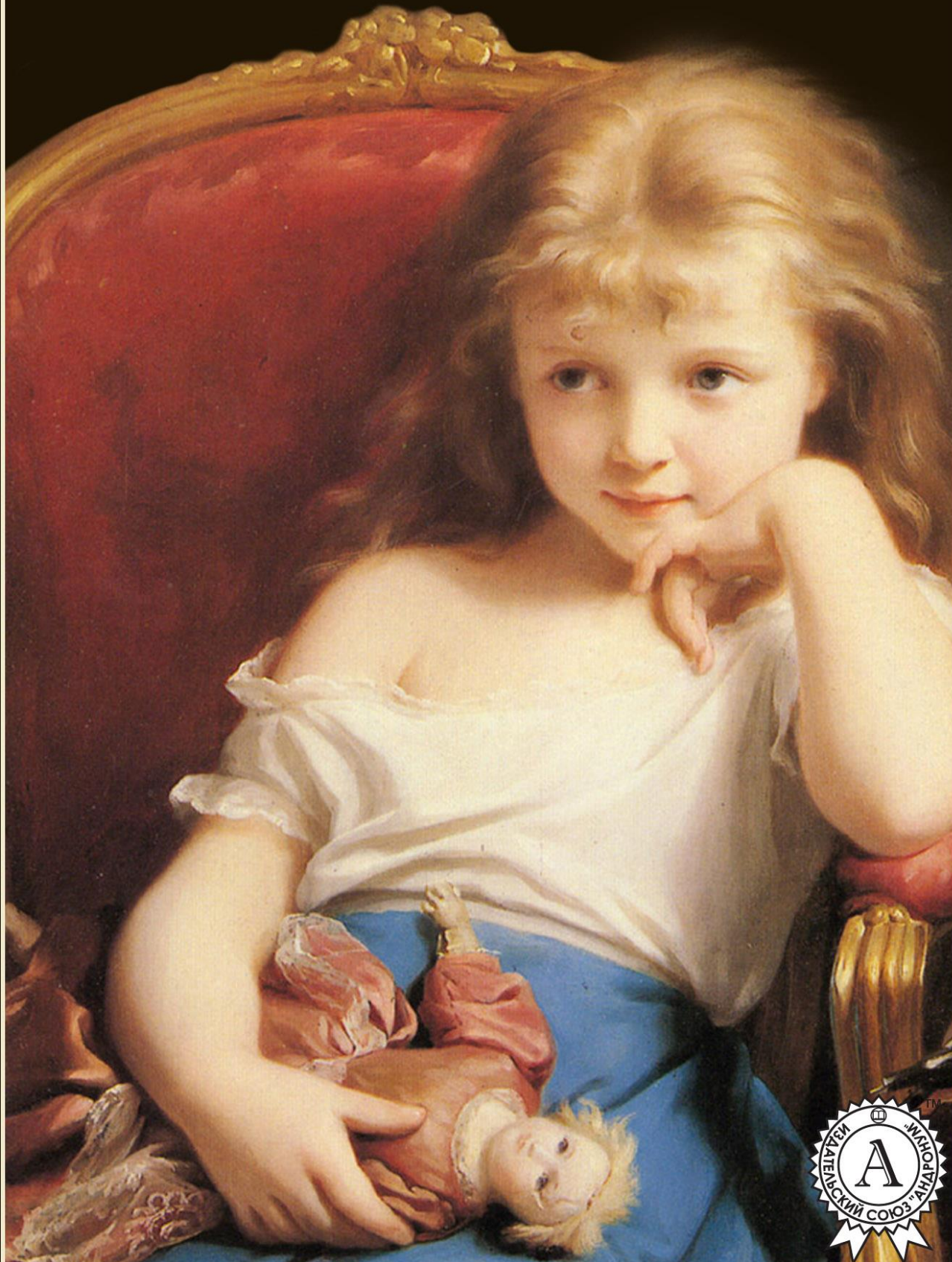

Элинор Портер
Моллианна

«Поллианна (перевод Людмилы Галичий)» — роман-бестселлер известной американской писательницы Элино́р Порте́р (англ. Eleanor Porter, 1868–1920).

Поллианна приезжает к своей тете в штат Вермонт. Строгая родственница соглашается воспитывать девочку лишь из чувства долга, но вскоре привязывается к доброй и жизнерадостной племяннице.

Другими выдающимися произведениями автора являются «Встречные течения», «Поллианна взрослеет», «История Марко», «Мисс Билли» и «Решение мисс Билли».

«Поллианна» Элино́р Порте́р имела ошеломляющий успех в Америке и за ее пределами: к 1920 году книга была переиздана рекордное количество раз.

Элино́р Порте́р Поллианна

Моей кухне Белль посвящается.

Глава 1 Мисс Полли

В то июньское утро Мисс Полли Хэррингтон буквально ворвалась к себе на кухню. Надо сказать, что обычно она не проявляла склонности к поспешным движениям; более того, Мисс Полли особо гордилась собственной невозмутимостью. Но сегодня она торопилась — по-настоящему.

Нэнси, мывшая посуду над умывальником, бросила на неё удивлённый взгляд. Она работала на кухне Мисс Полли всего лишь пару месяцев, но уже привыкла к тому, что её госпожа никогда не спешит.

— Нэнси!

— Да, мэм, — радостным голосом ответила Нэнси, всё ещё продолжая тереть кувшин, который был у неё в руке.

— Нэнси, — голос Мисс Полли сделался весьма суров, — когда я к вам обращаюсь, мне бы очень хотелось, чтобы вы на время оставили свою работу и выслушали то, что мой долг велит мне вам сообщить.

Бедняжка Нэнси залилась густой краской. Она тотчас поставила кувшин, позабыв вытащить из него тряпку, отчего тот едва не опрокинулся — и вконец расстроилась.

— Да, мэм. Я обещаю, мэм, — запинаясь, пролепетала она и, убедившись, что кувшин не упадёт, поспешно обернулась. — Я... Я же не оставила работу лишь потому, что вы мне говорили, чтобы я побыстрее закончила с посудой, вы же знаете.

Её госпожа нахмурилась.

— Довольно, Нэнси. Я не просила ваших оправданий. Я просила вашего внимания.

— Да, мэм.

Нэнси сдержала вздох. Она всё думала, удастся ли ей хоть когда-нибудь в своей жизни угодить этой тётке. Нэнси никогда прежде не работала в прислугах; но когда измученная болезнью мать нежданно-негаданно овдовела и осталась одна ещё с тремя, кроме самой Нэнси, младшими детьми, девушка поняла, что непременно должна пойти работать, чтобы им помочь. Именно поэтому она была так рада, когда нашла это место — на кухне того огромного дома на холме. Нэнси была родом из местечка под названием Перепутье, за шесть миль отсюда, и прежде знала Мисс Полли лишь как владелицу старой усадьбы Хэррингтон и одну из наиболее состоятельных жительниц их города. Но это было два месяца тому назад. Теперь же она знала Мисс Полли как суровую госпожу со строгим лицом, хмурившуюся, если нож случайно со стуком падал на пол или где-то хлопала дверь, но никогда, вообще никогда в своей жизни не улыбающуюся, даже если ножи спокойно лежали себе на столе, а все двери были плотно закрыты.

— Когда вы покончите со своими утренними обязанностями, Нэнси, — говорила тем временем Мисс Полли, — будьте добры привести в порядок ту маленькую комнатку, что находится над лестницей, на чердаке, а также постелить там постель. Там надо вытереть пыль и вымыть полы, разумеется, сперва убрав оттуда все ящики и сундуки.

— Да, мэм. А куда же мне девать всё то, что я оттуда уберу?

— Отнесите всё на тот чердак, что над парадным входом.

Секунду поколебавшись, Мисс Полли прибавила:

— Я полагаю, я могу теперь объяснить вам, в чём дело, Нэнси. Ко мне приезжает жить моя племянница, Мисс Поллианна Уиттиэр. Ей одиннадцать лет, и она будет спать в той комнате.

— К вам приезжает — маленькая девочка, Мисс Хэррингтон?! Боже, какое счастье! — воскликнула Нэнси, тотчас вспомнив, каким солнечным всегда был её отчий дом оттого, что в нём были дети — её маленькие сестрёнки и братишка.

— Счастье? — холодно возразила Мисс Полли. — Ну, я бы такими словами не бросалась. Тем не менее, к своим обязанностям по воспитанию этого ребёнка я намерена отнестись самым ответственным образом. Я ведь серьёзная женщина, надеюсь. И я прекрасно осознаю свой долг.

Нэнси вновь густо покраснела.

— Безусловно, мэм. Я лишь подумала, что если с вами будет жить маленькая девочка, она... Она скрасит вашу жизнь, — пролепетала Нэнси.

— Благодарю вас, — сухо возразила ей леди. — Не могу сказать, однако, что в этом есть крайняя необходимость.

— Ах, я просто уверена, что вам будет приятно о ней заботиться, ведь это ваша племянница! — осмелилась сказать Нэнси. Она смутно чувствовала, что так или иначе должна попытаться вызвать в сердце своей госпожи хоть какие-то тёплые чувства к этой сиротке.

Мисс Полли надменно вскинула подбородок.

— Собственно говоря, Нэнси, я вовсе не думаю, что лишь из-за того, что мне выпало несчастье иметь сестру, которая была настолько глупа, чтобы выйти замуж и произвести на этот свет, где и без того уже яблоку негде упасть, бесполезных детей, мне должно быть *приятно* о них заботиться. Однако, как я уже говорила, я надеюсь, что верно понимаю свой долг. Не забудьте же вымести углы, Нэнси, — резко закончила она и вышла.

— Да, мэм, — вздохнула Нэнси, вновь берясь за тот самый злосчастный кувшин. Вода в нём давным-давно остыла, а грязь наполовину засохла, так что надо было начинать всё сначала.

Вернувшись к себе, Мисс Полли вновь развернула письмо, которое всего лишь два дня тому назад пришло из далёкого западного городка и стало для неё таким неприятным сюрпризом. Письмо это было адресовано Мисс Полли Хэррингтон, Белдинсвилль, Вермонт; и содержалось в нём следующее:

Многоуважаемая мадам!

С глубокой скорбью вынужден Вам сообщить, что преподобный Джон Уиттиэр отошёл в лучший мир две недели тому назад, оставив после себя единственное дитя — девочку одиннадцати лет. Боюсь, что, за исключением нескольких книг, это и есть всё, что он оставил; ибо, как Вам несомненно известно, он являлся пастором нашей небольшой миссионерской церкви, и доходы его были весьма скудны.

Как мне известно, этот человек являлся супругом Вашей покойной сестры, однако, как он дал мне понять, отношения между двумя семьями оставляли желать лучшего. Тем не менее, он полагал, что из уважения к памяти Вашей сестры Вы, возможно, пожелаете взять к себе девочку, дабы взрастить её на земле её предков. Именно поэтому я и осмелился Вас побеспокоить.

К тому времени, когда Вы получите это письмо, Ваша племянница уже будет готова отправиться в путь. В случае если Вы соизволите дать согласие приютить у себя этого ребёнка, мы были бы премного Вам благодарны, если бы Вы также соизволили написать ответное послание, дабы это дитя могло прибыть к Вам как можно скорее; ибо я должен сообщить Вам, что в нашем городе проживает одна супружеская чета, которая в самом ближайшем будущем намерена отправиться на Восток и согласна сопровождать девочку до Бостона и затем отправить её поездом до Белдинсвиля. Само собой разумеется, что Вы будете дополнительно извещены о том, в какой день и каким поездом должна прибыть к Вам Поллианна.

*С надеждой получить от Вас вскоре добрые вести, остаюсь Вашим покорным слугой.
Джерми. О. Уайт.*

Нахмурившись, Мисс Полли сложила письмо и спрятала его обратно в конверт. Ответила она на него ещё накануне, и само собой разумеется, что ответ её содержал согласие. И теперь ей оставалось лишь *надеяться*, что она и вправду верно понимает свой долг и сможет справиться с возложенными на неё обязанностями, как бы ни были они неприятны!

И вдруг перед её мысленным взором предстала сестра — Дженни. Именно она была матерью этого ребёнка. И память перенесла Мисс Полли в те времена, когда Дженни, тогда двадцатилетняя девушка, несмотря на все уговоры родителей, вышла замуж за молодого священника. Её руки добивался и другой, весьма обеспеченный, человек, и отец с матерью предпочли бы, чтобы дочь выбрала его; но Дженни поступила по-своему. Тот, другой человек был уже в годах, хотя и денег у него было куда больше, а у священника не было ничего, кроме молодости, энтузиазма, головы, до отказа набитой юношескими идеалами, и сердца, полного любви. Это и было то, что выбрала Дженни — что было, наверное, вполне естественно; и тотчас после свадьбы она уехала вместе со своим мужем на Юг в качестве жены миссионера.

С тех пор о ней ничего не было слышно. И хотя Мисс Полли, которая была самой младшей сестрой, было тогда не более пятнадцати лет, она отлично всё помнила. Что общего могла иметь их семья с женой миссионера? Однако однажды, и это тоже она точно помнила, они всё же получили весточку от Дженни; она сообщала о рождении дочери, которую решила назвать в честь своих сестёр — Полли и Анны. Все остальные дети Дженни умерли во младенчестве. Это письмо оказалось последним; ибо прошло ещё несколько лет, и им пришла из маленького западного городка короткая, но исполненная глубокой скорби записка от самого священника, в которой он извещал их о кончине своей жены.

Однако и в их огромном доме на холме время тоже не стояло на месте. И Мисс Полли, стоя у окна и глядя вдаль на простирающуюся внизу долину, перебирала в памяти события, произошедшие в её жизни за последние двадцать пять лет.

А было ей уже сорок, и была она совершенно одна в этом мире. Отец, мать, сёстры — все до одного

умерли. И уже много лет она являлась единственной владелицей этого дома и обладательницей того огромного состояния, которое оставил ей отец. И находились люди, которые откровенно сочувствовали её одиночеству и пытались убедить её, что ей необходим друг или спутник жизни, но она не принимала ни их сочувствия, ни их советов. Она говорила, что не ощущает одиночества. Ей нравится быть одной. Она ценит спокойствие. Но теперь...

Нахмурив лицо и плотно сжав губы, Мисс Полли встала. Да, конечно, это просто замечательно, что она серьёзная женщина и не только осознаёт свой долг, но и обладает достаточно сильным характером, чтобы его исполнить. Но всё же какое глупое имя — Поллианна!

Глава 2 Старик Том и Нэнси

А тем временем Нэнси изо всех сил чистила и драила ту крошечную комнатку на чердаке, о которой говорила Мисс Полли. Нет, особо тщательно вымести углы она не забыла. Но только временами её рвение было вызвано не столько любовью к чистоте, сколько необходимостью дать выход обуявшему её гневу, ибо Нэнси, хотя и боялась свою госпожу как огня, была и сама вовсе не ангел.

— Нет, это не здесь, это в душонке твоей мелкой надобно вымести все углы, чертовка! — отрывисто бормотала она, сопровождая каждое слово энергичным движением швабры. — А их там ой как много, этих углов, и в каждом, в каждом такая грязь, что ужас да и только! Это же просто в голове не укладывается! Ни в чём не повинное, славное дитя она будет держать под замком в этой жалкой, душной комнатухе, где и очага-то нет, чтоб истопить зимой! А у самой-то дом вон какой огромный, и комнат в нём бог весть сколько, одна другой краше — выбирай любую! И детей она почитает бесполезными, ишь ты! — ругалась Нэнси, выкручивая тряпку с такой яростью, что пальцы у неё заболели от напряжения. — Да нет, мэм, это вовсе не дети бесполезны, я думаю, а кто-то другой!

Некоторое время она работала молча; затем, всё закончив, встала посреди крохотной, совершенно пустой комнатухи и оглядела её с омерзением.

— Ну вот и всё, — вздохнула она. — Так или иначе, я свою работу сделала. И грязи теперь здесь нет. Как, впрочем, и всего остального. Бедная, несчастная малышка! Ничего не скажешь, просто отменная тюрьма для одинокой, лишившейся родительского дома сиротки! — закончила она и вышла, хлопнув дверью.

— Ой! — воскликнула она, вдруг опомнившись. Но тотчас сердито добавила: — Ну и ладно! Плевать я хотела, слышала она или нет, плевать я хотела!

После обеда Нэнси удалось выкроить несколько минут, чтобы сбежать в сад и кое-что разузнать у старика Тома, который вот уже бог знает сколько лет выпалывал сорняки и расчищал дорожки в усадьбе Мисс Полли.

— Мистер Том, — начала Нэнси, быстро оглянувшись через плечо, чтобы удостовериться, что никто за ней не смотрит, — а вы слышали, что к Мисс Полли приезжает жить маленькая девочка?

— А? Что? — переспросил старик, с трудом разгибая спину.

— Маленькая девочка! Будет жить у Мисс Полли!

— Да ну тебя с твоими шуточками! — недоверчиво усмехнулся старик. — Скорее рак свистнет!

— Но Мистер Том, это чистая правда! Я своими ушами это слышала. От самой Мисс Полли! — стояла на своём Нэнси. — Это её племянница. И ей одиннадцать лет.

У старика аж челюсть отвисла.

— Вот это да! — пробормотал он.

И вдруг нежность осветила его поблекшие от лет глаза:

— А это случайно не... Ведь это, должно быть... малышка Мисс Дженни! Из всех сестёр нашей госпожи лишь она одна была замужем. Да, Нэнси, это же точно, точно маленькая дочурка нашей Мисс Дженни! Хвала Тебе, великий Господи! Подумать только — ведь на склоне лет моих ты ниспослал мне счастье увидеть старческими моими глазами это прелестное дитя!

— А кто была Мисс Дженни?

— Она была истинный ангел, спустившийся к нам прямо с небес, — задыхаясь от волнения, ответил старик, — но покойным господину и госпоже она была старшей дочерью. Ей было двадцать лет, когда она вышла замуж и уехала. Господи, как же давно это было! И все её дети, кроме последней дочери, я слышал, умерли во младенчестве; и это она, эта девочка, теперь к нам приедет...

— Ей одиннадцать лет.

— Да, это вполне может быть, — кивнул старик.

— Ну а спать она будет на чердаке. И как *ей* не стыдно! — возмутилась Нэнси, снова бросив взгляд через плечо на стоящий позади неё дом.

Старик Том нахмурился. Но в следующий момент лицо его озарилось весёлой улыбкой:

— Интересно, сможет ли Мисс Полли ужиться с ребёнком? — спросил он.

— Хм! А мне интересно, сможет ли ребёнок ужиться с Мисс Полли!

Старик рассмеялся.

— Да, похоже, ты не очень-то любишь свою госпожу, — заметил он.

— А что, её кто-то когда-то любил? — съязвила Нэнси.

Старик Том загадочно улыбнулся и вновь склонился над работой.

— Так значит, тебе никогда не приходилось слышать историю любви Мисс Полли?

— Историю любви — *её*?! Ну нет! Такой истории, должно быть, никто в мире не слышал!

— Совсем наоборот, — возразил старик. — Друг её сердца жив и поныне. И живёт он в нашем городе.

— Кто же он?

— А вот этого я тебе не скажу. Негоже сплетничать о господах.

Старик медленно выпрямился. Он бросил взгляд на дом, и в его потускневших от старости голубых глазах появилась та честная гордость, которую верный слуга испытывает по отношению к семье, которой он служил и которую любил так много лет.

— Но это же просто невозможно — *она* и любовь! — продолжала настаивать Нэнси.

Старик Том покачал головой.

— Ты ведь не знаешь Мисс Полли так, как знаю её я, — принялся он её разубеждать. — Я помню время, когда она была настоящей красавицей. Да она и сейчас была бы такой, если бы захотела.

— Мисс Полли — красавицей!

— Да! Вот если бы она взяла да и не стала больше так туго скручивать в узел свои чудные волосы, а распустила бы их свободно и небрежно, как когда-то, да и надела бы белоснежное платье, всё в кружевах, и шляпку с розочками — ты бы увидела, как она прекрасна! Мисс Полли вовсе не старуха, Нэнси.

— Не старуха? Ну, в таком случае, она просто отменно ею притворяется, да! — фыркнула Нэнси.

— Да я знаю. Это тогда и началось — когда у них разладилось, — кивнул старик Том. — И с той поры она словно ест одну полынь да чертополох — до того она стала противной да колючей!

— Чистая правда! — негодуяще выпалила Нэнси. — Ведь ей угодить-то вообще невозможно, как ни старайся! Да если бы не жалованье да не семья моя нуждающаяся — ноги бы моей здесь не было! Но когда-нибудь, Мистер Том, — когда-нибудь моё терпение лопнет, и тогда, конечно, она мне скажет: прощайте, Нэнси, я в вас больше не нуждаюсь. Да-да, вот увидите!

Старик Том покачал головой.

— Я знаю, знаю, Нэнси. По себе знаю. И в этом нет ничего удивительного — но это не выход, дочка. Это не выход. Ты уж поверь мне.

И вновь он склонил свою седую голову над работой.

— Нэнси! — послышался резкий голос.

— Да, мэм, — пролепетала Нэнси и поспешила в дом.

Глава 3 Прибытие Поллианны

И вот точно в срок пришла телеграмма, в которой сообщалось, что Поллианна прибывает в Белдинсвилль завтра, двадцать пятого июня, в четыре часа. Прочтя её, Мисс Полли нахмурилась, а затем отправилась на чердак, чтобы посмотреть приготовленную для племянницы комнату. Войдя и осмотревшись, она нахмурилась ещё больше.

Обстановку комнаты составляли небольшая, аккуратно застланная кровать, два жёстких стула с высокими спинками, рукомойник, комод без зеркала и маленький столик. Никаких штор на слуховых окнах не было, как и картин на стенах. Весь день солнце нещадно палило прямо на крышу, и в комнате было жарко как в печке. Поскольку сеток от насекомых тоже не было, окна открывать Мисс Полли не разрешала. Однако на одном из них красовалась просто огромная муха. Серdito жужжа, она передвигалась то вверх, то вниз, пытаясь выбраться наружу.

Муху Мисс Полли ловко прикончила и выбросила, слегка приподняв раму, на улицу. Затем, снова нахмурившись, она поправила стул и вышла прочь.

— Нэнси, — сказала она несколькими минутами позже, стоя в дверях кухни, — я только что обнаружила муху в комнате Мисс Поллианны. Вы случайно не знаете, кто открывал окно? Я приказала изготовить сетки, но до той поры, пока они будут доставлены, будьте добры следить, чтобы окна всегда были плотно закрыты. И ещё: завтра в четыре часа приезжает моя племянница. Я желаю, чтобы вы встретили её на станции. Вы поедете в коляске вместе с Тимоти. В телеграмме сказано: светлые волосы, красное льняное платье в клетку и соломенная шляпка. Это всё, что мне известно, но думаю, что вам этого будет довольно, чтобы справиться с заданием.

— Да, мэм; но разве вы не...

Мисс Полли, похоже, верно догадалась, что именно Нэнси имела в виду, ибо она нахмурилась и твёрдо сказала:

— Нет, я не намерена ехать. Не думаю, что в этом есть необходимость. На этом всё, Нэнси.

А затем развернулась и с чувством исполненного долга ушла, считая сделанные ею распоряжения относительно ожидаемого прибытия племянницы вполне достаточными.

Оставшись одна, Нэнси злобно швырнула утюг.

— Светлые волосы, клетчатое платье, соломенная шляпа! Это всё, что ей известно! Да я бы на её месте сквозь землю провалилась! И это её единственная племянница, которая едет к ней через весь континент!

На следующий день ровно без двадцати четыре Тимоти и Нэнси поехали в открытой коляске встречать ожидаемую гостью. Тимоти был сын старика Тома, и порой в городе поговаривали, что если старик Том — это правая рука Мисс Полли, то Тимоти — это её левая.

Тимоти был парень добродушный и к тому же симпатичный. И хотя Нэнси только недавно стала работать у Мисс Полли, эти двое уже стали закадычными друзьями. Однако сегодня Нэнси было не до болтовни: она была слишком озабочена возложенной на неё миссией. За всю дорогу она не проронила ни слова, а приехав на станцию, встала с коляски и стала ждать поезда.

Снова и снова мысленно повторяла Нэнси: «светлые волосы, красное льняное платье в клетку, соломенная шляпка». И снова и снова она сгорала от нетерпения: что же за ребёнок эта Поллианна?

Вскоре к ней подошёл Тимоти.

— Ради её же собственного блага надеюсь, что она тихая и благоразумная, не роняет на пол ножи и не хлопает дверью, — сказала она ему со вздохом.

— Да уж, а не то одному Богу известно, что от всех нас останется, — широко улыбнулся тот. — Страшно подумать, что станет делать наша Мисс Полли с *шустрым* ребёнком! Это же ад будет! А вот и свисток.

— Ох, Тимоти! Ну скажи на милость, почему она сама не поехала встречать свою племянницу? Тебе не кажется, что это просто мерзко с её стороны? — внезапно испугавшись, затараторила Нэнси, а затем вдруг повернулась и побежала на то место, откуда лучше всего было видно выходящих на этой маленькой станции пассажиров.

Поллианну она увидела почти сразу. Это была маленькая стройная девчушка в красном клетчатом платье. Волосы у неё были густые и светлые. Они были заплетены в две косы. Из-под соломенной шляпки любопытно выглядывало маленькое веснушчатое личико. Малышка непрерывно поворачивала головку то налево, то направо. Было видно, что она кого-то ищет.

Узнала Нэнси её тотчас, но чтобы подойти к ней, надо было сперва унять дрожь в коленях. И когда наконец она к ней всё-таки приблизилась, пассажиров на станции уже почти не было.

— Вы — Мисс Поллианна? — запинаясь, спросила она. И буквально в следующее мгновение две маленькие цепкие ручки в красных клетчатых рукавчиках чуть было не задушили её в своих объятиях.

— Ах, как я *рада, рада, рада* вас видеть! — закричал ей в ухо звонкий голосок. — Да, конечно же, я — Поллианна, и я так рада, что вы приехали меня встретить! Я так надеялась, что вы это сделаете!

— Как, правда? — пролепетала Нэнси, недоумевая, каким образом Поллианна могла знать о её существовании и тем более надеяться, что она за ней приедет. — Вы — надеялись? — ошеломлённо повторила она, пытаясь поправить свою шляпку.

— Ах, да! И всю дорогу сюда я всё думала и думала: какая же вы? — воскликнула малышка, танцуя на пальчиках и откровенно разглядывая смущённую Нэнси. — И вот я вас встретила, и я очень-очень рада, что вы — такая, как вы есть!

Тут подошёл Тимоти, и Нэнси с облегчением вздохнула. Слова Поллианны приводили её в замешательство.

— Познакомьтесь, это Тимоти. Быть может, у Вас имеется чемодан?

— Да, имеется, — с важным видом кивнула Поллианна. — Причём совершенно новый! Мне подарили его дамы из женского благотворительного комитета. Согласитесь, как это мило с их стороны! Тем более что им ведь так нужен был ковёр! Честно говоря, я точно не знаю, много ли красного ковра можно купить за те деньги, которые они истратили на мой чемодан, но, наверное, много — полцеркви можно было бы застелить, не правда ли? Ах да, здесь у меня в сумочке имеется маленький листик, Мистер Грей сказал, что это чек, и я должна вам его отдать, чтобы получить обратно свой чемодан. Мистер Грей — это супруг Миссис Грей. А Миссис Грей — кузина жены дьякона Карра. Они сопровождали меня до Бостона от самого дома, и я вам передать не могу, какие это чудесные люди! Ах, вот и он, — закончила она и протянула Нэнси наконец-то обнаруженный в сумочке чек.

Нэнси глубоко вздохнула. Она инстинктивно чувствовала в этом потребность — после такой долгой речи. Затем она украдкой взглянула на Тимоти. Тот нарочно старался смотреть в сторону.

Наконец, все трое уселись в коляску. Чемодан Поллианны поставили на заднее сиденье, а сама она уютно устроилась между Нэнси и Тимоти. Всё время, пока готовились ехать, эта маленькая девчушка так непрестанно сыпала замечаниями и вопросами, что пытавшаяся поначалу поддерживать беседу Нэнси вскоре совсем выдохлась.

— Ну, вот! Чем не прелесть? А далеко ехать? Я надеюсь, что да — обожаю кататься! — вздохнула Поллианна, когда коляска тронулась в путь. — Хотя, конечно, если и не далеко, то тоже ничего страшного, потому что, вы знаете, я ведь буду так рада как можно поскорее доехать! Какая замечательная улица! Я знала, что она красивая. Папа рассказывал мне...

Тут она замолчала и всхлипнула. Нэнси, бросив на неё обеспокоенный взгляд, увидела, что её крошечный подбородок дрожит, а глаза полны слёз. Однако уже через мгновение она храбро подняла головку и зашебетала дальше:

— Папа мне про неё всё рассказывал. Он всё помнил. Ах да! Я забыла! Мне следовало вам рассказать это, как только мы встретились. Миссис Грей велела мне сразу вам объяснить — по поводу этого красного платья, ну, вы поняли, и почему я не в чёрном. Она сказала, что вы посчитаете это странным. Но дело в том, что в последнее время среди церковных пожертвований не попадалось чёрных вещей. Была только одна бархатная дамская блузка, но супруга дьякона Карра сказала, что она мне совсем не подходит. К тому же, она была слишком потёртая, в белых пятнах — и на локтях и не только... И тогда некоторые дамы из благотворительного комитета захотели мне купить чёрное платье и шляпу, но другие сказали, что деньги нужны на покупку красного ковра — ну, вы знаете, в церковь. Миссис Уайт сказала, что это, может быть, и к лучшему, потому что она не любит детей в чёрном — то есть, я хочу сказать, детей-то она, конечно, любит, но не любит, когда они в чёрном!

Поллианна остановилась, чтобы перевести дыхание, и Нэнси смогла из себя выдавить:

— Ну, я уверена... Что всё будет в порядке...

— Я рада, что вы так думаете. Я тоже думаю так, как вы, — кивнула Поллианна и снова всхлипнула. — Конечно, если бы я была в чёрном, то радоваться было бы гораздо сложнее...

— Радоваться! — вырвалось у поражённой Нэнси.

— Да — радоваться тому, что папа ушёл теперь жить на небо, к маме и к моим сестрёнкам, ну, вы же понимаете... Он говорил мне, что я должна радоваться. Но иногда это бывает нелегко, даже в красном платье, потому что... Потому что я ведь очень его любила. И как бы я ни старалась теперь радоваться, я всё равно чувствую, что так *нечестно* - то, что Боженька забрал его к себе, ведь у мамы и у моих сестрёнок есть и Он, и все Его ангелы, а у меня никого, кроме дам из благотворительного комитета. Но теперь я уверена, что мне станет легче, потому что у меня есть вы, тётенька Полли! Я так рада, что у меня есть вы!

В этот миг охватившая Нэнси жалость к несчастной сиротке сменилось самым настоящим ужасом.

— Ах, но боюсь, что вы — боюсь, что вы оч-чень ошибаетесь, д-дорогая, — с трудом выговорила она. — Я всего лишь Нэнси. Я вовсе не ваша тётя Полли!

— Вы — не тётя Полли?! — в полном отчаянии пробормотала бедная малышка.

— Нет. Я всего лишь Нэнси. Я в жизни не думала, что вы примете меня за неё. Мы с ней... Мы с ней совсем, совсем не похожи, уверяю вас, да!

Тимоти чуть слышно хихикнул, но Нэнси была слишком обескуражена, чтобы разделить промелькнувшее в его глазах веселье.

— Но кто же вы тогда? — спросила Поллианна. — Ведь и на даму из благотворительного комитета вы тоже совсем не похожи!

На этот раз Тимоти расхохотался уже в открытую.

— Я Нэнси, служанка. Я делаю всю работу, кроме стирки и глажки выходных вещей Мисс Полли. Это делает Мисс Дорджен.

— Так значит, тётя Полли всё-таки существует? — обеспокоенно спросила малышка.

— Клянусь вам, что да, — вмешался Тимоти.

На лице Поллианны отразилось облегчение.

— Ах, ну тогда всё в порядке.

И уже через секунду она весело продолжила:

— Пожалуй, это даже к лучшему, что она не приехала меня встретить. И знаете почему? Потому что сейчас я всё ещё могу радоваться тому, что скоро с ней познакомлюсь. А ещё я могу радоваться тому, что у меня есть вы!

Нэнси покраснела.

— Как по мне, вполне удачный комплимент, — добродушно подтрунил над ней Тимоти. — А ну-ка поблагодари юную леди!

— Я... Я подумала о... Мисс Полли, — смущённо пробормотала Нэнси.

Поллианна удовлетворённо вздохнула.

— Я тоже о ней думаю. Мне так интересно с ней познакомиться! Понимаете, она единственная тётя, какая у меня есть, а я так долго вообще про неё не знала! Потом папа рассказал мне. Он сказал, что она живёт в большом-пребольшом и красивом-прекрасивом доме на самой вершине холма.

— Так и есть. И вы его сейчас увидите, — ответила Нэнси. — Глядите, вон там далеко впереди он стоит. Белый, с зелёными ставнями.

— Ах, какой красивый! А сколько там травы и деревьев! Мне кажется, я никогда в жизни не видела, чтобы столько травы и сразу! Нэнси, а у моей тёти Полли много денег?

— Да, Мисс, очень много.

— Ах, как я рада! Это, наверное, такое счастье — иметь много-премного денег! Мне никогда раньше не приходилось встречать людей, у которых много денег, только, пожалуй, Мистера и Миссис Уайт — у них их, кажется, немало. У них в каждой комнате лежат ковры, а по воскресеньям мороженое. А у тёти Полли бывает по воскресеньям мороженое?

Нэнси покачала головой. На губах её промелькнула улыбка, и они с Тимоти весело переглянулись.

— Нет, Мисс. Я думаю, ваша тётя не любит мороженое. По крайней мере, видеть его у неё на столе мне никогда не приходилось.

На лице Поллианны отразилось разочарование.

— Да? Ах, как жаль! Не представляю, как это она может не любить мороженое! Ну да ладно, из-за этого я ведь могу ещё сильнее радоваться, потому что если не есть слишком много мороженого, то живот не будет болеть так, как у Миссис Уайт — вы знаете, мы ведь с ней очень часто ели мороженое. Ну, тогда, может быть, у тёти Полли есть ковры?

— Да, ковры у неё есть.

— И в каждой комнате?

— Ну, почти, — ответила Нэнси, и лицо её вдруг омрачилось: она вспомнила полупустую комнатушку на чердаке, где никакого ковра и в помине не было.

— Ах, как я рада! — восторженно воскликнула Поллианна. — Обожаю ковры. У нас ведь дома их вообще не было, были только два маленьких-премаленьких коврика из церковных пожертвований, и на одном из них были такие ужасные чернильные пятна... А ещё у Миссис Уайт были картины, такие необыкновенно прекрасные, и я видела на них и розы, и хорошеньких маленьких девочек, стоящих на коленках, и котиков, и барашков, и льва. Нет, не вместе, конечно, я имею в виду, барашков и льва. Разумеется, в Библии написано, что они будут возлежать вместе, но пока ведь ещё рано! Так что те, которые у Миссис Уайт, возлежали по отдельности... А вы разве не любите картины?

— Я... Я не знаю, — сдавленным голосом ответила Нэнси.

— Я обожаю. А у нас дома и картин тоже не было. Вы же знаете, они среди церковных пожертвований нечасто попадают. Хотя как-то раз нам попались — две сразу! Но одна из них была так хороша, что папа её продал за деньги, чтобы купить мне башмаки; а другая была так плоха, что сразу рассыпалась, как только мы её повесили. Стекло — ну, вы знаете — разбилось. Я так плакала... Но теперь я рада, что у нас дома не было красивых вещей — ведь из-за этого мне теперь ещё больше понравится у тёти Полли — потому что я к ним не привыкла, понимаете? Это совсем как с лентами: сначала в пожертвованиях попадают лишь старые, тёмные да выцветшие, а потом вдруг раз — и приходят новые, яркие и красивые, и ты вплетаешь их в косы и радуешься и не можешь нарадоваться! Ах, боже мой! До чего же красивый, до чего же замечательный дом! — с восторгом воскликнула она, когда коляска повернула в широкую подъездную аллею.

А когда Тимоти взялся за чемодан, Нэнси улучила момент, чтобы чуть слышно прошептать ему на ухо:

— Отныне, Тимоти Дорджен, я и слышать не желаю о том, чтобы отсюда увольняться! Ни за какие коврижки!

— Да речи быть не может! — широко улыбнулся юноша. — Меня теперь вообще отсюда не выкуришь. Теперь, с этим ребёнком, здесь будет веселее, чем в цирке!

— Веселее, чем в цирке! — возмущённо повторила Нэнси. — А я боюсь, что с нашей госпожой эта бедная малышка вообще позабудет, что такое веселье. Тимоти, ей нужен будет спасательный круг. И этим спасательным кругом буду я — да, да, да! — торжественно пообещала она, а затем, повернувшись, взяла Поллианну за руку и по широким ступеням повела её в дом.

Глава 4 Комната Поллианны

Когда Поллианна и Нэнси появились в дверях гостиной, Мисс Полли Хэррингтон не сочла нужным даже встать. Она приветствовала свою племянницу сидя, лишь оторвав взгляд от книги и протянув ей руку, на каждом из чопорно вытянутых пальцев которой, казалось, громадными буквами было выведено слово «долг».

— Я рада нашему знакомству, Поллианна... Я...

Но прежде, чем она смогла что-либо добавить, Поллианна буквально перелетела через всю комнату и тотчас же бросилась в объятия своей тётки, которую, однако, это проявление чувств ничуть не растрогало, а, наоборот, шокировало.

— Ах, тётка Полли, тётка Полли, я просто не в силах передать вам, как я рада, что вы позволили мне сюда приехать и жить вместе с вами! — всхлипывала она. — Вы даже не представляете, какое это счастье, что у меня есть и вы, и Нэнси, и всё это, особенно после того, как раньше у меня были лишь дамы из благотворительного комитета!

— Вполне возможно, хотя я и не имею чести быть с ними знакомой, — сухо возразила Мисс Полли, пытаясь освободиться от крошечных цепких пальчиков и одновременно обратив свой строгий взгляд к стоящей в дверях Нэнси. — Спасибо, Нэнси, вы можете идти. А теперь, Поллианна, будьте добры, ведите себя прилично! Встаньте по-человечески, ведь я вас ещё не видела!

Поллианна мгновенно повиновалась.

— Ах, разумеется, вы правы, тётка, — с немного натянутым смехом сказала она, — но, боюсь, вы будете разочарованы — из-за моих веснушек... Да, и ещё я непременно должна рассказать вам про своё красное платье и про чёрную бархатную блузку с протёртыми локтями. Я уже рассказывала Нэнси, как папа сказал...

— Да; а теперь будьте так любезны, забудьте раз и навсегда всё, что когда-либо говорил вам ваш папа! — тоном, не допускающим возражений, заявила Мисс Полли. — Я полагаю, вы прибыли с багажом?

— О да, разумеется, тётка Полли. У меня просто прекрасный чемодан, который мне подарили дамы из благотворительного комитета. Однако в нём не так уж много вещей — ну, то есть, *моих* вещей, я имею в виду. Ведь в последнее время одежда для девочек среди церковных пожертвований почти не попадалась... Но там все папины книги, и Миссис Уайт сказала, что теперь они по праву принадлежат мне. Видите ли, мой папа...

— Поллианна! — вновь резко перебила её тётка. — Есть одна вещь, которую вы просто обязаны усвоить с самого начала; а именно, я не потерплю, если вы и дальше будете продолжать рассказывать мне о вашем папе!

Бедная малышка робко затаила дыхание.

— Как, тётенька Полли, вы считаете...

Но волнение помешало ей что-либо добавить, и тётка взяла инициативу в свои руки:

— А теперь я отведу вас наверх, в вашу комнату. Ваш багаж, как я полагаю, уже там. Я приказала Тимоти туда его отнести. В случае если окажется, что вы прибыли с багажом, разумеется. А теперь, Поллианна, будьте любезны следовать за мной.

Не проронив ни слова, Поллианна вслед за тёткой вышла из комнаты. Глаза её блестели от слёз, но подбородок был храбро поднят.

«В конце концов, пожалуй, я всё-таки должна радоваться, что тётенька не разрешает мне рассказывать ей о моём папочке, — подумала бедняжка. — Потому что если я не буду о нём говорить, то мне, наверное, скоро станет легче. А может быть, именно поэтому она и велела мне о нём не говорить?» И смахнув слёзы, заново уверовавшая в «доброту» своей тётеньки Поллианна принялась с нескрываемым любопытством разглядывать дом.

Она поднималась по лестнице, и прямо перед нею роскошно шуршало чёрное шёлковое платье тётки Полли. Повсюду в открытые двери виднелись пленяющие взгляд переливами мягких оттенков ковры и блестели атласной обивкой стулья. А тот ковёр, который был у неё под ногами, оказался таким мягким, что ей казалось, будто это и не ковёр вовсе, а нежный зелёный мох. И сверкающая позолота на драгоценных рамах, в которые были заключены бесчисленные картины, и солнце, сиявшее сквозь тончайший тюль занавесок — всё, решительно всё здесь было как в сказочном дворце!

— Ах, тётка Полли, тётка Полли, — прошептала охваченная восторгом малышка, — какой же у вас красивый, чудесный, необыкновенный, просто замечательный дом! И как же, должно быть, вы радуетесь оттого, что у вас так много денег!

— Поллианна! — воскликнула тётка, резко обернувшись на самой верхней ступеньке. — Я крайне неприятно удивлена тем, что вы позволяете себе говорить со мной подобным образом!

— Как, тётка Полли, а разве вы не радуетесь?

— Разумеется, что нет, Поллианна. Смею надеяться, я не позволю себе забыться настолько, чтобы предаваться постыдной гордыне из-за любого из тех даров, которые Всевышнему было угодно мне ниспослать, — заявила леди, — и уж менее всего я склонна впадать в этот мерзкий грех из-за *богатства*!

Сказав это, Мисс Полли отвернулась и зашагала по коридору к двери, которая вела на чердачную лестницу. Она мысленно поздравляла себя с тем, что заранее догадалась отвести этой бестии не самую лучшую из комнат. Тогда она лишь руководствовалась желанием сделать так, чтобы племянница как можно реже попадалась ей на глаза и в то же время не попортила своими шалостями и проделками драгоценную

мебель. Теперь же, столь явственно увидев, как рано в ней дало о себе знать тщеславие, Мисс Полли окончательно утвердилась во мнении, что комната Поллианны должна быть воплощением простоты и практичности.

А тем временем крохотные ножки Поллианны послушно семенили вслед за тётей. Её большие синие глаза изо всех сил старались смотреть на всё сразу, чтобы не пропустить в этом чудесном доме ни одной красивой или интересной вещи. Но, пожалуй, более всех трудился её пылкий детский ум, пытаясь разрешить волнующую и восхитительную загадку: за которой же из всех этих таинственных дверей её ждёт замечательная, прекрасная комната, где всюду кружевные занавески, ковры и картины?

Но вот тётя открыла одну из дверей, за которой опять оказалась лестница. Там не было ничего интересного. По обе стороны возвышались лишь голые стены. На самом верху было почти темно, а в дальних углах, где крыша начиналась чуть ли не над самым полом, была и вовсе непроглядная темень. Там были свалены бесчисленные ящики и сундуки. Было жарко и душно. Поллианна инстинктивно запрокинула голову — так было легче дышать. Затем она увидела, как тётя открыла ещё какую-то дверь.

— Вот и ваша комната, Поллианна, и багаж ваш, как я вижу, уже доставлен. У вас есть ключ?

Поллианна безмолвно кивнула. Глаза её слегка расширились от страха.

Тётя нахмурилась.

— Когда я задаю вам вопрос, Поллианна, будьте любезны отвечать мне словами, а не ограничиваться жестами.

— Да, тётя Полли.

— Благодарю вас; так-то лучше. Надеюсь, здесь вы найдёте всё необходимое, — добавила она, бросив взгляд на стоявший на полу кувшин с водой и лежащую на стуле кипу полотенец. — Я пришлю Нэнси, чтобы помочь вам разобрать багаж. Ужин в шесть часов, — закончила она, а затем вышла из комнаты и с чувством исполненного долга направилась вниз.

Ещё мгновение после того, как она ушла, Поллианна стояла неподвижно и смотрела ей вслед. Затем её печальный взгляд упал на стены, на которых не было ни одной картины, на пол, где не было даже жалкого коврика, и на окна, на которых, наверное, отродясь не бывало даже старых, выцветших занавесок. Потом, наконец, ей на глаза попался её маленький чемоданчик, который ещё так недавно стоял в её собственной комнатке в том доме, который остался далеко на Западе. И в следующее мгновение она с ничего не видящими от слёз глазами побрела, спотыкаясь, к нему и, закрыв руками лицо, опустилась рядом с ним на колени.

Но вот дверь открылась, и в комнату вошла Нэнси.

— Ах, ну не плачь же, не плачь, маленькая бедняжка, — тихо и ласково заговорила она, присев рядом несчастной малышкой на пол и обняв её за плечи. — Я так и знала, что застану тебя здесь в слезах, так и знала!

Поллианна покачала головой.

— Но, Нэнси, я знаю, что я очень злая, плохая, просто отвратительная девочка! — всхлипнула она. — Потому что как я ни стараюсь, у меня никак не получается заставить себя понять, что Боженьке и ангелам мой папа сейчас нужен в тысячу раз больше, чем мне!

— Очень он им нужен! — вдруг брякнула Нэнси.

— Ах, Нэнси! — жгучий ужас разом высушил слёзы в глазах Поллианны.

Нэнси сконфуженно улыбнулась и изо всех сил потёрла *свои* глаза.

— Ну да ладно, малышка, я ведь совсем не то хотела сказать! — воскликнула она, пытаясь загладить неловкость. — А теперь давай возьмём ключ, откроем твой чемодан и достанем все твои платья — мы живо справимся, живо!

Всё ещё всхлипывая, Поллианна протянула ей ключ.

— Н-но только у меня не очень много платьев, — запинаясь, проговорила она.

— Ну вот и славно, тогда мы с ними быстрее справимся! — заявила Нэнси.

Поллианна вдруг лучезарно улыбнулась.

— Точно! Ведь я могу этому радоваться, не правда ли?! — воскликнула она.

Нэнси посмотрела на неё с недоумением.

— Ну, да, разумеется, — немного неуверенно ответила она.

Проворные руки Нэнси за пять минут выложили из чемодана и книги, и штопаное бельё, и несколько жалких, застиранных платьев. А Поллианна уже счастливо улыбалась и носилась по комнате. Она трудилась не покладая рук, и вот уже все платья висели в стенном шкафу, бельё лежало в комод, а книги были перенесены на стол.

— Я уверена, что... что это будет просто замечательная комната... Как вы думаете? — не слишком уверенно спросила она, присев передохнуть.

Ответа не было. Нэнси, похоже, была слишком занята, копаясь в чемодане. Поллианна с лёгкой грустью

посмотрела на голую стену над комодом.

— И ещё я могу радоваться тому, что здесь нет зеркала, — сказала она, — потому что если нет зеркала, то я не вижу своих веснушек!

С губ Нэнси сорвался странный короткий звук, но когда Поллианна обернулась, она по-прежнему сосредоточенно перебирала вещи. А через несколько минут, подойдя к окну, малышка радостно вскрикнула и весело захлопала в ладоши.

— Ах, Нэнси, я ведь только сейчас всё это увидела, — прошептала она. — Смотрите, вон там какие красивые деревья, и дома, и церковь, и речка блестит как серебро. Ведь это в сто раз лучше, в сто раз лучше, чем все картины в мире, не правда ли, Нэнси? Ах, как я рада, что тётя разрешила мне занять эту комнату!

К удивлению и отчаянию Поллианны, Нэнси расплакалась. Поллианна тотчас подбежала к ней.

— В чём дело, Нэнси, Нэнси, почему вы плачете? — воскликнула она. А затем робко спросила: — Или... Или раньше это была ваша комната?

— Моя комната! — с горечью повторила Нэнси, глотая слёзы. — Да ты просто маленький ангел, спустившийся к нам с небес! И клянусь, что если кое-кто вовремя не одумается... Ах, боже мой! Опять звонит!

И, оборвав на полуслове свою загадочную речь, Нэнси вскочила на ноги, выбежала из комнаты и с шумом помчалась вниз по лестнице.

Оставшись одна, Поллианна вернулась к своей «картине», как она теперь мысленно называла открывавшийся из чердачного окна пейзаж. Через несколько минут она несмело потрогала рукой раму. Казалось, ни секунды больше она не сможет выносить удушающую жару! К её радости, поднять раму не составило труда. Через секунду окно было широко распахнуто, и Поллианна, облокотившись на подоконник, с жадностью вдохнула свежий, благоухающий ароматами цветов воздух.

Затем она подбежала ко второму окну. Открыть его оказалось даже легче, чем первое! Громадная муха пронеслась прямо у неё перед носом и принялась с громким жужжанием кружиться по комнате. За ней влетела вторая и третья. Но Поллианна их даже не заметила. Она сделала чудесное открытие: у самого дома росло, касаясь ветками окна, огромное дерево! В какой-то момент ей показалось, что это и не ветки вовсе, а добрые, ласковые руки, которые оно протягивает, зовя её к себе! И она вдруг громко расхохоталась.

— Да, пожалуй, это можно, — сказала она вслух, всё ещё смеясь.

И в следующий момент Поллианна уже проворно взобралась на карниз. Оттуда шагнуть на ближайшую из веток было делом одной секунды. А затем, перебираясь с ветки на ветку и карабкаясь, как обезьянка, она вскоре добралась и до самой нижней ветки. Но спрыгнуть оттуда на землю было немного страшновато — даже ей, чуть ли не с пелёнок привыкшей лазить по деревьям. И всё-таки она решилась — затаив дыхание и как следует раскачавшись на своих маленьких, но крепких ручках, она приземлилась на четвереньки в мягкую траву. Тотчас вскочив, Поллианна любопытно осмотрелась вокруг.

Она оказалась на заднем дворе. Прямо перед нею простирался сад, в котором работал старик-садовник. Чуть поодаль виднелся луг, узенькая тропинка посреди которого вела прямо к отвесному холму, на вершине которого лежал огромный камень и стояла, будто его верный страж, одинокая ель. И Поллианна не была бы Поллианной, если бы в тот же миг не решила во что бы то ни стало на этот камень взобраться.

Прячась за малинником, ловкая и быстрая малышка сумела без труда проскользнуть мимо поглощённого своей работой садовника. Затем, уже слегка запыхавшись, она выбежала на ведущую через луг тропинку и решительно принялась подниматься на холм. «Ах, как же долго мне, наверное, придётся добираться теперь до этого камня, а ведь ещё недавно, когда я увидела его из окна, мне казалось, что до него рукой подать!» — изрядно подустав, подумала она.

Пятнадцатью минутами позже огромные часы в передней дома Мисс Хэррингтон пробили шесть. И как только затих последний, шестой, удар, Нэнси, согласно заведённому в этом доме порядку, позвонила в звонок, возвещая, что настало время ужина.

Прошла минута. Затем вторая и третья. Мисс Полли, нахмурившись, нетерпеливо постучала по полу каблуком. Затем она поднялась со своего места и вышла в переднюю. Движения её были более резки, чем обычно. Она встала у лестницы и принялась ждать. Где-то минуту она стояла и прислушивалась, глядя наверх. Затем повернулась и величественно проследовала обратно в столовую.

— Нэнси, — решительным тоном произнесла она, как только кухарка вошла с подносом, — как видите, моя племянница имеет дерзость опаздывать. Нет-нет, не вздумайте её звать, — сурово добавила она, увидев, что Нэнси шагнула к двери. — Я уже сообщила ей, в котором часу ужин, и теперь ей придётся пожинать горькие плоды своей рассеянности. Нет никаких причин откладывать обучение пунктуальности. Когда она проголодается и вспомнит об ужине, вы можете подать ей на кухне чашку молока и кусок хлеба.

— Да, мэм.

К всеобщему счастью, лица Нэнси в этот момент Мисс Полли не видела.

Сразу после ужина, как только выдалась свободная минутка, Нэнси тайком проскользнула на заднюю

лестницу и поднялась в комнату на чердаке.

— Кусок хлеба и чашку молока, сейчас! Бедняжка, наверное, плакала-плакала да и уснула, — сердито проворчала она и тихонько открыла дверь. Но в следующий момент она издала пронзительный крик:

— Поллианна, где ты?! Ну где же ты, Поллианна?! Ну куда же ты подевалась?! — задыхаясь от волнения, Нэнси заглянула и в стенной шкаф, и под кровать, и даже в чемодан и в кувшин с водой. Затем, едва помня себя, она помчалась вниз и оттуда в сад, к старику Тому.

— Мистер Том, Мистер Том, наша бедная малышка исчезла! — причитала она, заливаясь слезами. — Эта девочка была ангелом, сошедшим к нам с небес, а теперь вернулась обратно! А *она* приказала мне подать ей на кухне чашку молока и кусок хлеба — это ей, которая вкушает теперь ангельскую пищу, я уверена, я просто уверена!

Старик медленно разогнул спину.

— Вернулась обратно, говоришь? — не очень-то взяв в толк, что произошло, переспросил он и невольно бросил взгляд на ярко освещённое вечерней зарёй небо, как будто ища там Поллианну. Секунду он молча смотрел вдаль, а затем обернулся к Нэнси. На лице его была широкая улыбка.

— Ну, дочка, похоже, ты права, ей, наверное, и вправду неймётся как можно скорее влезть на небо, — сказал он, указывая не разгибающимся от старости пальцем туда, где, чётко выделяясь на алом фоне заката, виднелась тоненькая, с развевающимися на ветру волосами фигурка едва державшейся на самой верхушке огромного камня Поллианны.

— Ну нет, как по мне, на сегодня приключений нам уже хватит, — решительно заявила Нэнси. — Если хозяйка спросит, где я, скажите, что за посуду пусть не беспокоится. Я ушла гулять! — бросила она через плечо и решительно зашагала по луговой тропинке к холму.

Глава 5 Игра

— Ах, боже милостивый! Мисс Поллианна, как же вы меня напугали! — выдохнула Нэнси, подбегая к камню, с которого Поллианна как раз спускалась — без малейших трудностей, но с явным сожалением.

— Я вас напугала? Ради бога, извините меня, пожалуйста! Но поверьте, Нэнси, за меня совсем не стоит беспокоиться! Никогда! Мой папа и дамы из благотворительного комитета тоже поначалу беспокоились, но потом привыкли, что я всегда возвращаюсь целая и невредимая.

— Но ведь я даже не знала, куда вы пропали! — воскликнула Нэнси, беря Поллианну под руку, чтобы помочь ей побыстрее спуститься с холма. — Никто не видел, как вы вышли из дома. Я уже было подумала, что вы просто вылетели через окно, да-да, через окно!

Поллианна весело запрыгала.

— Так ведь почти так и было, Нэнси, почти так и было. Только я полетела не вверх, а вниз. Я спустилась по дереву.

Нэнси остановилась как вкопанная.

— Вы — что?

— Я вылезла через окно и спустилась по дереву.

— Ох, мать родная! — только и смогла сказать Нэнси, вновь заспешив вниз. — Хотелось бы мне послушать, что сказала бы на это ваша тётенька!

— Правда? Ну, тогда для начала я ей всё расскажу, а потом вы и послушаете, — радостно пообещала малышка.

— Ради всех святых, Поллианна, — еле выговорила Нэнси, — не надо!

Бедняжка искренне огорчилась:

— Вы думаете, она тоже будет беспокоиться?

— Нет... Ну, то есть да. Впрочем, это неважно. Н-на самом деле мне не очень интересно, что сказала бы в-ваша тётя, — запинаясь, ответила Нэнси, принявшая твёрдое решение спасти Поллианну хотя бы от этой первой головной боли. — Но, послушайте, нам с вами надо поторопиться. У меня ведь на сегодня ещё посуда...

— А давайте я вам помогу, — тотчас предложила малышка.

— Что вы, Мисс Поллианна! — запротестовала Нэнси.

Мгновение они молчали. Было уже почти темно. Поллианна ещё крепче взяла под руку свою подругу.

— И всё-таки я думаю, что мне можно хотя бы немножко порадоваться тому, что я вас напугала — потому что иначе вы бы за мной не пришли, — сказала она, начиная дрожать от холода.

— Бедный маленький ангелочек! Как вы вся озябли! — воскликнула, заметив это, Нэнси. — К тому же, вы, должно быть, проголодались. Ох, боюсь, что ужинать вам сегодня придётся у меня на кухне. Ваша тётя приказала мне подать вам лишь чашку молока и кусок хлеба. Она ужасно недовольна тем, что вы не явились

к ужину.

— Но ведь это было невозможно. Я была *там* !

— Да, но она этого не знала, — кротко заметила Нэнси и едва не рассмеялась. — Мне так жаль, так жаль, что я могу вам предложить лишь молоко и хлеб...

— А мне нет. Наоборот, я очень рада.

— Чему же здесь радоваться?

— Ну, мне нравится молоко; да и хлеб тоже. И потом, мне приятно разделить с вами трапезу. Я не вижу причин здесь не радоваться.

— Интересно, а вы вообще где-либо видите причины не радоваться? — не без иронии спросила Нэнси и чуть слышно всхлипнула, вспомнив храбрые попытки Поллианны полюбить отведенную ей комнату.

Поллианна тихо засмеялась.

— Дело в том, что это такая игра, Нэнси.

— Как — *игра* ?

— Ну да. Игра под названием «Просто радуйся!»

— Боже, что вы несёте?! Какая такая *игра* ?

— Обыкновенная игра, и, кстати, моя любимая, — возразила Поллианна. — Эту игру для меня когда-то придумал папа, и с тех пор мы с ним всегда в неё играли — даже когда я была ещё совсем, совсем маленькой. Потом я рассказала о ней дамам из благотворительного комитета, и некоторые из них тоже согласились в неё играть!

— И что же это за игра? Честно говоря, я мало чего смыслю в играх...

Поллианна опять засмеялась, но тут же и вздохнула. В сгущающихся сумерках её худенькое личико показалось Нэнси задумчивым и печальным.

— Ну, это всё началось с костылей, которые нам попались.

— С *костылей* !

— Ну да. Видите ли, мне очень хотелось, чтобы попалась кукла, и папа решил поговорить об этом с дамой из благотворительного комитета. Ну, вы поняли, с той, которая занималась распределением пожертвований. Но она ответила, что кукол нет, но зато есть детские костыли. И папе пришлось их взять на случай, если вдруг они нам понадобятся. Вот с этого всё и началось.

— По правде говоря, я совсем не вижу во всём этом никакой, ну просто никакой игры, — чуть было не рассердилась Нэнси.

— Пойдите, я вам объясню. Игра состоит в том, чтобы во всём, ну решительно во всём на свете находить что-нибудь такое, чему можно радоваться, — на полном серьёзе возразила ей Поллианна. — И мы начали сразу с костылей...

— Но боже правый! Чему же можно радоваться, когда вместо куклы тебе попадают костыли?

Поллианна захлопала в ладоши.

— А вы подумайте, подумайте хорошенько, Нэнси! — просияла она и тотчас добавила: — Честно говоря, я тогда тоже сначала не догадалась. И папе пришлось мне подсказать...

— Ну, тогда, может быть, вы тоже мне сейчас скажете? — с лёгким раздражением спросила Нэнси.

— Ах вы глупышка! Слушайте: костылям можно радоваться, потому что... Потому что они вам не нужны! — победоносно объявила ликующая Поллианна. — Вот видите, как всё просто! Ну, если уметь, конечно.

— Всё это страннее странного! — едва слышно проговорила Нэнси, почти с ужасом глядя на Поллианну.

— Да нет здесь ничего странного. Наоборот, это так интересно! — стояла на своём исполненная энтузиазма малышка. — С тех пор мы всегда так играли. И чем сложнее догадаться, тем интереснее! Просто... Просто иногда бывает слишком трудно — ну, например, когда твой папа уходит на небо, и у тебя больше не остаётся на этом свете никого, кроме дам из благотворительного комитета...

— Да, или когда тебя запикивают в пустую и тесную с позволения сказать комнату под самой крышей, — проворчала Нэнси.

Поллианна вздохнула.

— Да, поначалу это и вправду было трудно, — призналась она. — Мне было так одиноко, что я просто не могла заставить себя играть! И к тому же, мне так хотелось, чтобы у меня было всё новое и красивое! Но потом я случайно вспомнила о том, как я ненавижу смотреть в зеркало на свои веснушки. А ещё я увидела ту чудесную картину в окне и тогда уже поняла, что у меня всё-таки есть чему радоваться. Понимаете, когда ищешь, чему радоваться, то сразу забываешь обо всём остальном, ну, например, о том, что тебе хотелось куклу...

— Хм! — поперхнулась Нэнси, пытаясь проглотить застрявший в горле ком.

— Обычно на это не требуется так много времени, — вздохнула Поллианна, — и теперь уже очень